

ПРОСВЕЩЕННЫЙ КУПЕЦ – УКРАШЕНИЕ СТАРОЙ ВЕРЫ

М.М.ЖУНИН

Короткая эпоха купеческого ренессанса конца прошлого – начала нашего столетия является редким примером высокой созидательной энергии и культурной инициативы, проявленных обычными русскими людьми, не стоящими на вершинах социальной иерархии и не упоенных властью. Тем более ценными кажутся духовные корни такого исключительного явления. Воспитанные в лоне староверия, купцы-меценаты даже в своих самых радикальных и дерзких свершениях сохраняли черты внутреннего достоинства, усвоенного старообрядчеством за два с лишним века безкомпромиссной самостоятельности. Принудительное отделение от государства в XVII веке позже часто давало староверам серьезные духовные преимущества перед массами народа, машинально следующие за строго регламентированным империей господствующим Православием. Бережно охраняемый образ древней русской Церкви с его абсолютизацией красоты и деятельного благочестия, принципиальное противостояние с казарменным духом новой России, отклонившейся от исконного пути, только укреплял в поколениях старообрядцев желание показать на деле свое умение строить благополучную, красивую христианскую жизнь и продемонстрировать свои высокие духовные запросы. Разбогатевшие купцы всеми силами стремились занять видные, влиятельные позиции в обществе и отечественной культуре. Соединение религиозного и культурного рвения у купцов-старообрядцев дает уникальный шанс проследить механизмы плодотворного сочетания мирской активности и глубокой воцерковленности.

Часть 1. Непоколебимая красота

Старообрядцы в надежном русле древнего Православия

Среди популярных тем, связанных с русской культурой, особое место занимает легендарный образ московского купца-мецената, покровителя искусств, передовой культуры, многочисленных новых веяний. Сожаления об «испорченной песне», оборванной революцией, привели в наше время к сугубо романтическому восприятию «купеческого ренессанса». Нынешнему обществу хочется разгадать личную тайну ушедшей генерации русских капиталистов, загадку их душевной исключительности.

В то же время людьми движет прозаический, даже утилитарный интерес. Ощущается соблазн поставить перед теперешними нуворишами пример славной поддержки культуры купцами-альтруистами. Иными словами, предлагается ответить на вопрос: какая идеология может вытрясти из толстосумов побольше денег на нужды культуры и ее служителей? Устраняясь от обсуждения этой наивной проблемы, мы вынуждены признать, что скрытый цинизм отношения к "купчикам-голубчикам" был присущ и их современникам.

Остается радоваться, что на историческом удалении культурная деятельность купечества приобрела в глазах общества больший вес и самостоятельное значение. Одновременно в нашей стране происходит возобновление капиталистического уклада, что тоже повысило внимание и уважение к первым русским капиталистам — московским купцам и промышленникам...

Сталкиваясь с близостью взглядов и поступков у разных людей, мы склонны искать единый духовный источник и опору этого явления. Подобные поиски позволяют выявить решающие стимулы духовной жизни.

История московского купечества прошлого и начала нынешнего столетий сама подбрасывает нам факты, проливающие свет на подоплеку явления. Знакомясь с биографиями ведущих представителей купечества, нельзя не заметить общую для многих из них жизненную веху. Громкие имена Бриллиантовых, Солдатенковых, Морозовых, Гучковых, Рахмановых, Кузнецовых, Рябушинских, Носовых, Третьяковых, Прохоровых, Щукиных принадлежат старообрядцам.

Какие права у старообрядчества на роль идеологии купечества? Могло ли старообрядчество быть привычной рутинной, уважением к старине, предметом гордости, подтверждающим древность купеческой династии? Все эти версии не выдерживают даже поверхностной критики. Например, глава династии Рябушинских, в деловой истории которых успело смениться всего три поколения, принял старообрядчество в 34 года, и следовал затем своему выбору со всей возможной глубиной и истовостью. Собственное обращение и передача исповедания по наследству не могли быть лишь данью традиции. Тому не способствовали ни официальные гонения на "раскольников", продолжавшиеся до конца XIX века, ни самосознание московских староверов, требовавшее от них осмысленной и живой религиозности. Настроение этих людей уместно, при известных оговорках, сравнить с охватившим часть общества свежим духовным рвением во время "религиозного возрождения" 80-х годов текущего столетия. Энтузиазм старообрядцев был еще более горяч и последователен.

Легче всего предположить, что строгая старообрядческая воцерковленность больше способствовала трудолюбию и деловому процветанию, чем тяге к европейской и общемировой культуре. В таком случае широкие жесты молодого поколения московских купцов тривиально объяснимы как "причуды богатых", которые простительны для щедрых жертвователей в пользу старообрядческих общин.

Признавая лишь компромиссное сочетание просвещения со староверием, мы, тем самым, ограничиваем старообрядчество в его духовной роли — формировании мировоззрения верующих. Но не могло ли старообрядчество содержать в себе скрытые импульсы к развитию широких культурных интересов у своих состоятельных представителей? Может быть староверие, если не в богословской теории, то в своей живой истории стимулировало купцов к активному внедрению в культуру?

Если предположить, что в основе разносторонней личной культуры купцов лежит их религиозность, то неминуемо меняется масштаб темы. Наш рассказ невольно обратится к вражде или примирению ортодоксальной христианской религиозности с миром и его ценностями, с призывом к творчеству и красоте.

Меняется звучание темы, меняется и ракурс зрения на купечество. Общественная активность купцов уже не настолько принципиальна. Важнее их выход за рамки конфессиональных стереотипов. Для нас купцы прежде всего не меценаты, а просвещенные члены общества, не утратившие глубокой и живой религиозности.

Подозрение, что старая вера может сама поощрять интерес к культуре и искусству, выходящим за рамки традиционных древнеправославных представлений, может показаться иному старообрядцу кощунством. Но высокие умы старообрядчества, его преданные историки помогают разрешить каверзный парадокс.

Сосредоточив все свое внимание на старообрядчестве как на питательной среде для роста общей культуры московского купечества, мы невольно делаем шаг к отдельной животрепещущей проблеме: что нужно для сочетания религиозности и широты культурного кругозора?

Невозможно считать старообрядческое мировоззрение единым, но прихожане Рогожского кладбища, составлявшие 4/5 всех купцов-старообрядцев в Москве, несомненно находились в общем духовном контексте. Неудивительно, что именно этот контекст лучше всего изучен и имеет наиболее блестящие памятники исторической богословской мысли. На них мы и будем опираться.

Характер этих свидетельств внутренне объединяет частные усилия отдельных деятелей на культурном, деловом и общественном поприщах. В том числе, секрет коммерческой активности старообрядцев не может быть обойден стороной. Он входит в общий феномен личности почти каждого из видных деятелей купеческого сословия. Деловитости старообрядцев мы посвятим маленькую самостоятельную главу.

Рисуя духовный портрет старообрядчества, нет надобности специально соотносить жизненный путь самобытных и многогранных личностей с отвлеченными постулатами. Перед мысленным взором сама собой складывается удивительная гармония душевных движений, невероятная цельность и гибкость сложных натур. И это не случайно. Эта гармония в самосознании старообрядцев была индивидуальным воплощением мечты о гармонии всей совокупности православной жизни, где все разнообразные духовные силы лишь дополняют друг друга и служат вящему украшению единой Истины. Чувство единства жизни воспринималось как торжество христианства.

Нет оснований мечту о единстве обличать как сектантский утопизм, придуманный старообрядцами. Эта же идея замирала и не раз возрождалась вновь в господствующем Православии. Превращение в XVIII веке Церкви в государственный институт не могло убить скрытых импульсов, содержащихся в Православии. Удавалось только выхолостить их. Исконное тяготение к "неделимости и неслиянности" всех явлений, как свободному и всеобъемлющему порядку, отражающему замысел Творца, обернулось безудержной регламентацией церковной жизни. С таким представлением об "идеальном порядке" приходится и сегодня сталкиваться в церкви. Это грустное наследство, как видим, имеет те же корни, что и самые светлые стороны православной веры. Подобная неоднозначность выразилась в судьбе

многих выдающихся русских подвижников, причастных к строительству государственного Православия, начавшемуся еще в XV веке. Среди них и митрополит Макарий, и его антиподы митрополиты Платон и Филарет.

Просвещенные старообрядцы в большинстве своем избежали всех этих искушений, сохранив преемственность и незамутненность основополагающих православных идеалов. Им оказалось легче выдержать натиск исторических перемен и новых горизонтов духовности. Они не только не растерялись, но прекрасно освоились в новом пространстве.

Вернемся к истории. Как пишет известный богослов и философ о. Василий Зеньковский, "историки не раз с недоумением останавливались перед тем фактом, что, несмотря на бесспорное религиозное воодушевление на Руси, эта религиозная энергия, породившая бесчисленные монастыри, давшая огромное количество святых и праведников, как-то не пробуждала к творчеству религиозный логос, не развивала богословской мысли" (1, с.32). Ситуацию можно высветить и по-другому: религиозная мысль в России не обнаруживала внутренних противоречий, никакой явной неудовлетворенности вплоть до второй половины XVII века. Семь веков религия внушала ощущение, что она полна, универсальна, совершенна. Время догматических движений закончилось еще в Византии. Христианство было воспринято Русью как нечто завершенное, очищенное от любых внутренних и внешних неточностей. Оставалось развивать себя, а не основания веры. Форма исповедания срослась с сутью, превратив литургический язык в неисчерпаемый и непогрешимый источник смыслов, в "невербальное богословие".

Эти семь веков "молчания" важны, чтобы понять весь духовный настрой Православия. Религиозность переживалась как гармоничная часть бытия и деятельности. Никто не чувствовал себя оторванным от религиозной теории и практики. Пропасть между Словом и народом не была так страшна на Руси, как в средневековой Европе. Необходимость на Западе книги для проникновения в глубины религиозности, у русских с лихвой восполнялась богословием иконы, сосредоточенностью на литургической жизни. "Молчаливая" религиозность покрывала своими смыслами все стороны жизни. Ничто не выпадало, а значит и не должно выпадать из общей картины. Вот коренная "ментальность" Православия. Подобно тому в "Шестоднев" Василия Великого история человечества виделась в форме постепенного разворачивания божественного замысла, а не пресловутого стихийного прогресса.

Влечение и способность вместить максимум явлений жизни в религиозное мировосприятие — особая духовная заслуга, способствующая утверждению веры на всех просторах и во всей грандиозности божественного Замысла. Смелое волевое усилие истинной веры отражено в русском языке: к Богу — дерзают, Святого Духа — стяжают. Такое понимание православной духовности имело далеко идущие последствия.

Бесстрашие в столкновении с жизнью, в которой, прежде всего, прежде греха, следует искать крупинцы гармонии, божественной правды, лежит в основании русской религиозности. Не растеряв этих основ, старообрядцы в XX веке смогли разглядеть духовную глубину и искру Божию в искусстве русского авангарда. А менее "ортодоксальный" о. Павел Флоренский, доходивший в своем воображении до обоснования "общечеловеческого предания" (в духовном портрете преп. Сергия Радонежского, при толковании Софии-Премудрости Божией), не смог

продвинуться в своих эстетических воззрениях дальше импрессионизма. Флоренский считал, что форма, выражающая суть, дисциплинирует сознание, создает высокую мотивацию формы сутью. Не понятый им авангардизм (сошлемся на работу "Анализ пространства и времени в художественных произведениях") (2) он клеймил как сатанинскую "прелесть", провозгласив, что абстрактное искусство, отказавшись от созданных Богом форм красоты, не может отражать идеальные сущности. Принцип "не понимаю — значит греховно" нашел себе место даже в столь утонченном рассуждении. Старообрядчество мыслило смелее и честнее. Косвенное подтверждение его правоты содержится в заметках академика Д.С.Лихачева: "Всякое движение вперед требует оглядки на старое, в России — на "свою античность", на Древнюю Русь, на те ценности, которыми она обладала. Вспомните Лескова, Ремизова, Хлебникова, а в живописи — Малевича, Кандинского, Гончарову и Ларионову, Филонову и многих других. Их авангардизм наполовину древнерусский и фольклорный. Многие об этом не догадываются, а на Западе увлечение этими художниками шло параллельно увлечению иконами"(3). Оставаясь верным себе, старообрядчество не отставало от европейской мысли, вернее — не уступало ей в широте и свободе.

Многочисленные примеры из истории старообрядчества сломали привычную альтернативу: либо примитивная регламентированная вера, обеспечивающая, казалось бы, ее твердость на пути к спасению, либо горение индивидуального человеческого духа, трудно управляемого, а значит открытого соблазну. Казалось бы, история XX века с беспристрастием палача показала нам, что первый путь приводит к слепоте и стадным инстинктам, послужившим благодатной почвой для всех безбожных революций, а вторая дорога — это дорога к торжеству земной цивилизации, сопряженному, правда, с катастрофической утратой "духовной жажды". Наперекор порочной логике звучат слова А.В.Карташова, написавшего свой «Смысл старообрядчества» 70 лет назад в эмиграции: "Русский народ увидел в христианстве — откровение о пришествии Спасителя на землю и о создании силою церковного благочестия, вместо этого грешного, нечистого мира, другого, сплошь святого... Эта мечта и есть русская *civitas Dei*, райское бытие со всей полнотой жизненного разнообразия — кроме греха" (4, с.19).

Мы обещали привлечь в свидетели старообрядческих историков. Вот слова В.Сенатова, автора "Философии истории старообрядчества": "Православные", достигая... высших, в европейском смысле слова, полетов мысли... в большинстве случаев вместе с этим порывают свои прежние связи с верой, с храмом, с религиозным укладом жизни, старообрядцы же и в данном положении оказываются неприкосновенными, остаются страшно устойчивыми. Приезжает старообрядец из университетской лаборатории..., у себя дома... читает часы на клиросе своей родной моленной, чувствует себя своим в кругу своих попов..., не побрезгует сделаться общественным деятелем среди этих своих родных бородатых кафтанников и двуперстников" (5, с.34). По времени написания текст совпадает с эпохой расцвета деятельности знаменитых меценатов-старообрядцев.

Гармоническое самоощущение, да и сами атрибуты «молчаливой» религиозности неминуемо вели к богословскому пониманию красоты. Красота мнилась освященной ценностью, самостоятельным духовным сокровищем. Молчание иконы прорывалось, по исчерпывающему определению князя Е.Н.Трубецкого, "умозрением в красках". Красоту — зримый образ гармонии — можно считать символом

православного исповедания в его безупречной завершенности и полноте. Концентрированным выражением восприимчивости русского христианства к красоте может служить рассказ из "Повести временных лет" о выборе веры святым князем Владимиром, судящего об Истине по неземной красоте византийского богослужения. Особенно важно сопоставление в речах послон св. Владимира красоты с благодатью. Свет красоты почти синонимичен святости. "Отсюда становится понятным, — замечает о.В.Зеньковский, — почему так излюблен в русском церковном сознании образ "света" — свою веру народ любит называть "пресветлос Православие". Здесь корень того мотива космичности, который связывает русскую религиозность с святоотеческой: мир воспринимается, как весь озаренный и пронизанный светом Божиим" (1, с.37-38). Свет Божий падает на мир и тем самым освящает его.

Признание за истинной красотой благодатной силы послужило причиной неканонизации иконописных подлинников, дав простор религиозной мысли. За иконописью, как за всем христианством по утверждению митрополита Киевской Руси Илариона, произнесшего в 1051 г. свое "Слово о законе и благодати", закрепился статус Благодати, а не Закона, ведущей иконописца по узкой и тернистой дороге веры к воплощению вечного Идеала.

Нарушения же гармонии вызывают к борьбе с неправдой, с поруганием красоты. Эпоха перехода к Новому времени в России пронизана спорами и страстным стоянием за религиозную "правду" в иконах. На алтарь этой борьбы сложил жизнь дьяк Иван Висковатый еще во времена Стоглавого собора. Иконы, писанные после московского пожара 1547 г., возмущали его произвольным обращением с "невербальной" Истиной. На Церковь надвигалось засилие "фряжского письма", наводнившего иконы пошлым правдоподобием, силящимся передать мистические явления в мясистых телах и прямолинейных символах. В XVIII и XIX веках восторжествовал невиданный бугафорский размах наспех приспособленного к Православию барокко и классицизма. Нелепость композиций часто делала их примитивнее и грубее самого заурядного народного лубка.

Здесь вскрываются причины ожесточенной борьбы средневековой духовности с "прелестью" воображения. Довоображать сюжеты и детали иконописи также самонадеянно, как додумывать текст Священного Писания. Очень важно обратить внимание на то, что воображение означает здесь утрату сосредоточенности на единстве и гармонии. Как удержать эту сосредоточенность? Для различения религиозного творчества и власти стихийного воображения служила трезвость. Тут надлежит вспомнить выдающееся исследование о. Павла Флоренского о ракурсе зрения при встрече человека с Образом божественного.

Теория "обратной перспективы" о.П.Флоренского считается многими богословами не достаточно доказательной. Что же, если ставить вопрос о том, что думали древние иконописцы о геометрических законах пространственных композиций, то этот вопрос вряд ли можно полностью прояснить. Но обратная перспектива полностью соответствует православному идеалу и взгляду на мир. Ибо не человек является зрителем и высшим субъектом в мироздании, а Бог смотрит на человека и является источником Истины. Этот смиренный ракурс зрения — соль Православия, удерживающая человека от наивного антропоцентризма. Духовная трезвость чуралась резких суждений, власти страстного чувства. Возвышенный, спокойный взгляд равно не торопится выносить обвинительный или оправда-

тельный приговор окружающей действительности.

В XVI веке богословие иконы пошатнулось. Даже высоко чтимый старообрядцами митрополит Макарий не разглядел правды И. Висковатого (6). Примат "молчаливого" богословия над бюрократическим схематизмом уходил в прошлое. Раскол, подхватив исчезающую древнюю ясность, противопоставил ее неэстетичному шаблону государственной церкви и, тем самым, сберег связь красоты с религиозным чувством. Трудно переоценить эту роль старообрядчества в православной истории. Красота устояла, сохранив, тем самым, живущую в ней Истину. Справедливо искать здесь причины того равнодушного отношения ко всякой красоте, какое отличало ценителей прекрасного из среды старообрядцев.

Абсолютизация света-красоты накладывала свой отпечаток на отношения православного верующего с миром. Предметность красоты усиливала связи религиозного сознания с вместилищем красоты. Потому так естественно отсутствие в исконной православной аскезе гнушения миром, презрения к плоти. Главным христианским делом мыслится не отвращение от мира, а "обличение всяческой неправды". Даже монашеский подвиг требовал не презрения к миру, а острого сознания греховности, царящей в мире. Тот же пафос известен нам на примере юродства. В основе аскетизма, — резюмирует о. В. Зеньковский, — «лежит не негативный, а положительный момент: он есть средство и путь к преобразению и освящению мира» (1, с.37).

Идейная целостность и позитивная окраска духовной жизни, соединение трезвости и бесстрашия религиозной мысли создали ту духовную крепость древлеправославной веры, с которой оно встречало все открытия и новшества, дарованные Богом. Позитивное гармонизирующее начало устремлялось во все частности жизни. Это начало властно руководило старообрядцами. Поэтому так взаимосвязаны и цельны все направления деятельности каждого из них.

В том же русле находится отношение старообрядчества к искусству. Была поставлена преграда девальвации эстетического чувства, потере тяги к высшей гармонии при сохранении «вкуса» к поиску красоты. Не трудно теперь понять, почему сознанию старообрядца ближе авангардизм, чем сочные полотна В. Верещагина. "Прелесть", смущающая — по Флоренскому — светских художников, больше свойственна "воображающим" искусствам реализма и символизма, чем сосредоточенным умозрительным конструкциям авангарда.

Борясь с воображением, старообрядцы, как бы, наперед расправились с "мыльными" чувствами и "фотографической" бессмыслицей в искусстве. Их в светской культуре будет интересовать философски-абстрактный поиск, а не воображаемая иллюзия реальности.

Флоренский не сумел понять, что авангардисты были очень далеки от "воображения". Многие авангардисты не потому отказались от натуралистической формы, что ушли от Бога, как от высшего императива. Это было не свободное витание без первообраза, а внимательное исследование его. Разумеется, сходство мастеров авангарда и православных иконописцев с точки зрения старообрядца ограничивается лишь одинаковым неприятием натуроподобия.

Часть 2. Собственное достоинство

Старообрядчество проходит испытание на выживание

Разумеется, дух старообрядчества нельзя совсем отождествлять с древним Православием. Многие порождены или укоренены в ходе противостояния с господствующей церковью. История этого противостояния создала вторую половину духовно-психологического портрета старообрядчества.

Может показаться, что наши рассуждения слишком оторваны от реальной истории, в которой участвовали конкретные лица, в том числе интересующие нас представители купеческой элиты. Но стоит пролистать старые выпуски старообрядческих газет и журналов, таких как "Церковь" или "Старообрядческая мысль", чтобы на нас дохнула напряженная умственная и духовная жизнь, кипевшая в общинах московских старообрядцев. Чтобы прозвучали отголоски мыслей, которые наполняют наши страницы. Часто среди авторов статей и ораторов старообрядческих съездов мелькают знакомые фамилии Рябушинских, Морозовых, Бриллиантовых...

Раскол относится к числу исторически и богословски сложных явлений. Выдающийся православный историк XIX века профессор Московской духовной академии Н.Н. Гиляров-Платонов вынужден был от руки переписать огромный том "Поморских ответов", не находя иных средств проникнуть в характер движения старообрядческой мысли.

Раскол, по существу, не был бунтом против Церкви. Процесс разделения скорее напоминал извечный русский конфликт западников и славянофилов. На этот раз роль славянофилов играли приверженцы самобытного русского Православия. Здесь уместно оговориться, что староверы за всю свою историю никогда не подчеркивали своей национальности, а, наоборот, настаивали на вселенской общности: «мы — православные христиане». В отличие от славянофильских теорий XIX века, отечественная религиозность к тому времени прошла испытание семи-вековой практикой и имела все права считать себя зрелой и самостоятельной. Другая "партия" во главе с патриархом Никоном попала под обаяние новой греческой церкви. Подобострастие перед величием византийской традиции, так напоминающее "западнический" идеализм, сочеталось с надеждой на утверждение идеи Москвы — третьего Рима, напоминающей, в этой своей версии, западную ватиканскую теократию. Патриарху Никону по роду задач оцерковление власти и государства было ближе, чем старообрядцам, которым это стремление часто приписывают. Между оцерковлением жизни, действительно близким староверию и всему отечественному Православию со времен крещения Руси, как идеалом единства жизни и, с другой стороны, оцерковлением царства пролегает пропасть. Это пропасть между молитвой и политикой.

Теперь "Византия" грозила разрушить порожденное ей совершенство форм и смыслов, выстраданных русскими людьми в каждой крупине своей веры. Новое вторжение греков на Русь со своей верой воспринималось теперь многими верующими как иноплеменное нашествие, подобное не изгладившейся еще из памяти польской экспансии начала XVII века.

В.Сенатов так передает эту ситуацию: "Греки явились сюда со своими обычаями, преданиями, со своим "Хризовулом", а русские предстали без всего, голыми. Как будто бы русская церковь до этих времен ничего не накопила, ника-

кой мысли не выразила" (5, с.81).

Не желая соглашаться с засилием чужеродных установлений, первые староверы ощущали себя защитниками Отечества. Надеялись, что вот-вот смута кончится и им выпадет честь Минина и Пожарского. Но народ не встал сплоченно на защиту своей веры. Как и в 1917 г., веры у народа оказалось недостаточно. А старообрядцам предстояло до конца закалить в себе непоколебимую крепость исповедания.

У старообрядчества и в будущем не возникало основных "протестантских" комплексов и рецидивов. Старообрядцы унесли с собой в свои "катакомбы" верность исторической церковной идее. Это кардинальным образом отличает их от европейских протестантов. Даже утрата иерархии вместе с прекращением апостольской преемственности не лишила беспоповцев унаследованного стойкого идеала Церкви. Уже одно это единство идеи противостояло сектантскому духу и стихийному брожению религиозного сознания (на огромных просторах России старообрядчеству, лишенному центра, не удалось полностью избежать сектантства).

Как часто бывает, ярко выраженный антагонизм с окружением надолго сохранил напряжение духовного конфликта, а значит энергию для самоидентификации. В этой самоидентификации, кроме живого языка иконы, теперь уже не обойтись было без книги. Вырванность из замкнутого цикла религиозной жизни, включавшей свободную приходскую жизнь, свой храм, наполненный родным "невербальным" богословием, непрерывное наставление духовенством, теперь требовала восполнить недостаток твердым знанием. Книга пришла на помощь "молчаливой" религиозности.

Грамотность устанавливалась у старообрядцев очень быстро. То, что не удавалось веками и осталось недостижимым для основной массы народа еще два с лишним столетия, произошло здесь за 20 лет. Книга пришла из храмов и монастырей в дом каждого старовера. Это стало возможным благодаря невероятно масштабной кампании, развернутой предприимчивыми старообрядцами. Им удавалось, пользуясь бедностью и инертностью монастырей и приходов, выменивать у них старые книги на новые. Старообрядцы отдавали купленные ими новые книги и брались доставить за свой счет старые книги в Москву для уничтожения. До Москвы, конечно, старые книги не доходили.

Старообрядцы в массе своей не были знакомы с латинской теологией и европейской образованностью, что служило основным аргументом для уличения их в невежестве. Но русская книга была все же ощутимой питательной средой. Известно, что документы, выходявшие из канцелярии просвещенной монархини Екатерины II, считавшей старообрядцев неопасными дикарями, уступали в грамотности и владении русским языком бумагам старообрядческих соборов того времени. Случалось, что священники господствующей Церкви тайком отдавали своих детей учиться в старообрядческие школы. Ученые староверы, со своей стороны, тоже не гнушались брать лучшее из латинской образованности. Знаменитый поморец, первый настоятель Выговской пустыни А.Денисов был выпускником Киевской духовной академии. Желание ответить на обидное отношение к себе как к невеждам и привычка стремиться к знаниям постепенно раздвинули границы старообрядческой учености за религиозные рамки. Особенно это сказалось впоследствии на образовании купеческих детей.

Трезвость книжного сознания сказывалась в исчезновении у грамотных ста-

вынужденной осваивать роль государственных служащих. Тем самым, отодвинулись на задний план непосредственные богословские вопросы. Спустя двести лет "обер-прокурору Святейшего Синода благочестивейшему Константину Победоносцеву по-прежнему откровенно хотелось "уберечь" церковные дела от епископов [читай: богословов и духовных наставников — М.Ж.], чтобы ими занимались чиновники!", — восклицает С.С.Аверинцев (7). По меткому замечанию В.Сенатова, введение Синода привило церковным иерархам "дух и характер "служилых" людей: презрение к людям низшего ранга и раболепное заискивание перед высшими чинами" (5, с.12). Господство нового светского языка и западной религиозной культуры вызывало у верноподданных чинов церкви желание не отстать от сановитой просвещенности. В результате серьезное отношение к родному церковному языку и литературе казалось им верхом "туземного" неприличия. Общение с простым народом было сведено к машинальной и обедненной литургической практике.

"Эдипов комплекс" Православия, ревниво устраняющего все препятствия на пути утверждения своих безусловных новаций, вызвал агрессивность и нетерпимость церковной политики. Находясь в лоне господствующей Церкви, старообрядческий идеал не смог бы пережить такого насилия. Вся сила удара обрушилась на православный народ.

Свои подобострастные убеждения синодальное духовенство стремилось навязать народу, твердо оберегая шаткое равновесие новой системы. Мы привыкли думать, что распространение "фряжского письма" и европейской живописи на библейские сюжеты было естественным следствием петровских реформ. На самом деле "византийская форма мышления", как стали называть "охранительное" начало церковной идеологии в 50-е годы прошлого века, вела активную борьбу со всем, что так или иначе напоминало о старообрядчестве. В одном историческом очерке читаем: "Восьмиконечный крест на церковных куполах обязательно сменялся на четырехконечный и вовсе не допускался на вновь строящихся храмах. Старинные иконы, случайно уцелевшие в церквях, сносились на чердаки, в подвалы и заменялись иконами нового письма. Двуперстное сложение на иконах переделывалось в именованное и троеперстное" (5, с.25).

Кризис исторической преемственности в духовной жизни синодального священства, потеря связей между носителями богословской мысли и народом дополнились возведением непреодолимых сословных перегородок. В недавнем интервью С.С.Аверинцев так рисует положение русского духовенства в сословной структуре Российской империи: "Попы были сами по себе, отдельно от всех, социально-психологически изолированы, среди них ни барин, ни мужик не видел, хотя бы в возможности, одного из своих сыновей... А студенты университетов не оказывались товарищами студентов, изучающих богословие, — те были в своих семинариях и академиях, в своем гетто. Самая невыгодная социальная позиция, которая может быть: всем чужие среди мирян собственной же конфессии!" (7).

Уже в XVI веке мы встречаем у Матвея Башкина богословское обоснование недопустимости крепостного права: "Христос всех братией называет, а у нас кабалы" (1, с.51). Есть тут и существенный церковный аспект. Старообрядческий идеал воцерковленного общества предполагал возможность каждого христианина реализовать свою веру на поприще священника или инока. Крепостной крестья-

рообрядцев пережитков язычества, грубых суеверий и апокрифических легенд. Они не считали Николу Чудотворца мужем Богородицы, а колдуны среди них явление исключительное. Окончательно поборов язычество и суеверие, старообрядцы пошли даже дальше, чем Древнее Православие.

Отношение к книге у старообрядцев предопределило их вдумчивое отношение ко всему корпусу культуры. В противоположность им среди основного населения от крестьян до дворянства насаждение простейших знаний наталкивалось на всеобщее презрение к грамотности. Простой человек ненавидел грамотных за "хитрость", барин презирал в них "писарей". Отсутствие традиционного уважения к знанию ощутимо до сих пор. У кого-то высшее образование по-прежнему вызывает настороженность и подозрение в "хитрости", кто-то огульно обвиняет науку и искусство в сатанинской «прелести». Попади уважение к знанию в общий народный менталитет, многое бы изменилось в судьбах России.

История подарила старообрядцам еще одну неожиданную привилегию. По отношению к ним применили самую передовую общественную норму. Уже в XVII веке старообрядцев отделили от государства. Взамен ускользающей мечты об оцерковленном мире, они получили шанс свободно заняться собственным устройством. На первый план вышла задача самостоятельно приспособиться к новым ущемляющим условиям, выжить в обстановке преследования и невзгод. На долю старообрядцев выпала неблагоприятная миссия осваивать новые земли на берегах Белого моря, в Сибири, на Кавказе. Сначала старообрядческий ум приобрел выдержку, настойчивость, деловитость, затем навсегда простился с неповоротливостью и инфантилизмом мысли. Патриархальный уклад старообрядцев теперь скрывал умение распорядиться своей свободой и отстоять свою независимость — бытовую и духовную.

Раскол разорвал не только единое тело Церкви, но развел на разные полюса народную психологию. Вынужденная самостоятельность и естественность одних все больше контрастировала с усиливающейся индифферентностью и скованностью других. На свое счастье старообрядцы остались в стороне от тяжелого духовного кризиса, начавшегося с эпохи никоновских реформ и многократно углубившегося после заимствований, осуществленных имперской государственностью.

Механизмы заимствования, в отличие от естественных новшеств, несут с собой ряд неизбежных проблем. Эти проблемы значительно проще преодолеть в сфере гражданского строительства, чем в сфере духовной жизни. Восприятие инородного явления связано с синдромом внутренней несвободы, которая влечет за собой трудности адаптации и мышления, неадекватность реакций, смещение шкалы ценностей, искажение системы авторитетов и табу.

Все эти беды обрушились на никонианство. Такая же картина наблюдалась при Петре в светской культуре. Но построив и обжив Петербург, позже люди смогли приспособить к себе новый порядок, сделать его своим, сказать в нем свое слово. Церковь ожидал другой удел. Несмотря на великий сонм новых святых, фактически только к концу XIX века церковь вернула себе относительное духовное здоровье и заметное влияние на души людей, хотя так и не смогла избавиться от глубоко въевшихся в сознание казарменно-охранительных инстинктов.

Реформа светская и духовная шли с начала XVIII века рука об руку. Учреждение Петром Великим Синода вызвало сильную встряску в среде иерархии,

нин лишался такого права. Чиновники думали про себя: а еще лучше, если крепостной люд сам не захочет в священники. Официальные меры позволяли на это рассчитывать. В это же время старообрядцы никогда не теряли умение сочетать свою глубокую религиозность с любой формой жизни и деятельности.

Особенное негодование старообрядцев вызвала политика московского митрополита Филарета, впоследствии причисленного Русской Православной Церковью к лику святых. Митрополит Филарет имел перед внутренним взором вечный православный идеал церковной гармонии, неразрывной и постоянной слаженности всех частей, молитвенной и людской соборности. Но разрушенные духовные связи, бюрократические основы николаевской России диктовали весьма своеобразные методы борьбы за священный идеал. Мы уже писали, что казарменные принципы в церкви обеспечивают на первых порах твердость веры, защиту от соблазна. Строевые порядки легче прививаются на почве церковного смирения, чем в гражданском обществе. Святой Филарет Московский видел в своей политике средства воспитания духовной кротости и простоты — великих добродетелей и опор Православия. Митрополита пугал упадок веры в Европе. Однако жесточайшая регламентация церковной системы и выхолощенная логика богословской науки создали лишь видимость величия и гармонии. В душе народа ничего не изменилось под воздействием "крепостной" морали. (В последние годы жизни митрополит Филарет даже считал крепостное право произошедшим от Бога.)

Старообрядцы не укладывались в палочную "гармонию" и подверглись новым гонениям. Этот этап в истории русского Православия можно назвать противоборством живой и схоластической гармонии. Старообрядцев поддержали некоторые богословы и ученые из противоположного "лагеря", выступив за живое участие народа в церковной жизни. За подобные убеждения Н.Н.Гиляров-Платонов был лишен академической кафедры. Оторванность людей господствующего исповедания от своей веры иногда становится почти абсолютной. Борясь с чудовищной потерей религиозной почвы у безграмотного народа, Синод был вынужден ввести запрещение венчать не знающих "Отче наш".

Только представив себе дистанцию, отделяющую идеалы общества от идеала кучки старообрядцев, можно разглядеть у последних причину их духовной силы. Преподанный ими урок просвещенной религиозности можно выразить в двух словах: естественность мироощущения. А вот к чему приводит потеря такой естественности... Знаменательно, что религиозным философам начала века виделось первое подлинное деяние Церкви в событии, последовавшем после правления Юлиана Отступника. Тогда, победив в своих рядах еретическую жестокость к христианам, отрекшимся от веры во времена реставрации язычества, в Церкви возобладало милосердие, призывающее "милость к падшим". Проведение огненной черты между грехом и грешником — самый ответственный долг христианина. В основе нетерпимости все та же скрытая внутренняя несвобода, происходящая от отсутствия естественной религиозности. Оголтелую нетерпимость проявляют, например, новоявленные христиане-неофиты, воспитанные на советском атеизме.

Внутренний цензор теряет грань между грехом и грешником, миром греха и грехом в мире. Характерный пример — отношение к искусству. Мы говорили о древнем богословском переживании красоты, разлитой в мире. Забыв старое уважение к красоте, Церковь потеряла способность различать красоту и сама наполнилась страшной эстетической неразберихой. Николай Тарабукин, написавший в

20-х годах нашего столетия "Философию иконы", удивляется: "Если ни один священник не позволит себе вместо церковно-славянского текста молитвы Ефрема Сирина прочесть стихотворное переложение ее, сделанное Пушкиным, то непонятно почему, продолжение той же логичной мысли не приводит этого священника к протесту против нахождения в храме сентиментальных портретов, заменяющих собою образ Богоматери, и мирится, когда слышит с клироса мелодии, близкие к "Пиковой Даме" (8).

А бросившись судить красоту вне себя, неразборчивость обернулась нетерпимостью. Хорошо известен эпизод из последних дней жизни Н.В.Гоголя. Духовник писателя, известный своей беспредельной набожностью, повелел ему отречься от "нечестивца и грешника" Пушкина (чей гений много способствовал религиозности Гоголя). Духовник сразил обоих. Отказ от благодарной памяти поэта окончательно помутил рассудок Гоголя. Через неделю он скончался.

Уничтожение полноценной приходской церковной жизни произошло, как мы теперь знаем, задолго до революции 1917 г. Какая-то живая религиозная практика осталась только в монастырях. В любые времена монашеский подвиг молитвенников за мир наиболее почитался на Руси. Но только с XVIII века иноческая духовность стала ассоциироваться с полным презрением к миру.

Начало положил св. Тихон Задонский. В его "Сокровище духовном от мира собираемом" сознание не занято вопросом лучшего устройства мира, а значит и устройством церковной жизни в миру. Оно озабочено стремлением духовно преодолеть мир. В России к тому моменту это уже был единственный доступный путь святости. Середина XIX века ознаменовалась, например, гонением на несанкционированное пустынножителство. Монастырское сознание изолировалось от мира. Ему запретили активно воздействовать на мир и вскоре оно разучилось этому. Идеал монастыря-библиотеки по типу знаменитого "Вивария" св. Флавия Кассиодора или Киево-Печерской лавры уступил место монастырю, состоящему исключительно из трудников и затворников. Утвердилась новая монастырская максима: все, что от мира — все греховно, мир — и есть грех. Разве тут до красоты!

Негативный максимализм находил себе поддержку в апокалиптической природе аскетизма многих праведников. Например, душа слепенькой угодницы Божией Пелагеи Рязанской требовала постоянной сокрушенности о грехе. Бог послал ей страшную мысленную картину мирских бедствий. "Весь мир несет русскому народу зло и смерть, хочет истребить его с лица земли всеми путями и средствами... Что будет с Москвой? — В один миг под землю! Что с Санкт-Петербургом? — Так будет называться море! А Казань? — Море!... Страшным магом был Хрущев... Он жаждал умертвить одну треть населения и поэтому приказал вместо пшеницы засеивать плевелы из Америки, чтобы истощать землю!... к киоскам газетным и книжным не подходите!" (9) — вот бледные очертания проповеди блаженной Пелагеи, нашей современницы. Это жгущее душу предвидение наказаний за грехи заставляло праведную Пелагею еще горячей молиться. Может в том и есть исключительный смысл данного ей Откровения, даруемого подвижникам, преуспевающим в страхе Господнем? Такое душевное напряжение не всем под силу и не всем душам приносит пользу.

Отсутствие, как уже сказано, живой церковной практики в миру сделало монашеский тип мировоззрения единственным. И то, что подобает монаху, но непосильно мирянину, распространилось во всей широте Православия. Мир как

бы захотел отгородиться от самого себя, создав некую "экологическую" религиозность, чистую до стерильности. Выход за рамки "немирской чистоты" мысли стал равносильным отказу от веры. Обратная зависимость приобрела вид аксиомы: если человек интересуется миром, значит он порвал с верой. В.О.Ключевский дал церковной ситуации после XVII века самую резкую оценку: «При господстве монашества, унизившим более духовенство, дело церковно-пастырского воспитания нравственного чувства в народе превратилось в полицию совести» (10, с.182).

Далекие от проблемы искусственной замкнутости церковной жизни, старообрядцы сохранили активное отношение к миру и требовательность в свой собственный адрес. Человек "имеет право" оставаться верующим, отправляясь изучать и преобразовывать мир. К сожалению, напрашивающийся вывод, что приверженцы старой веры закономерно усматривали в любой категоричности опасность забыть о житейском милосердии или соблазн с большей охотой искать грех в мире, чем в себе, мало подкреплён в реальности.

Увы, историческому старообрядчеству тоже знакома навязчивая боязнь нечистоты. Можно отнести ее к естественным издержкам духа оппозиционности. А.В.Карташов не мог не изумляться: "Яркое отделение чистого от поганого у старообрядцев имеет прецедент только в древнем Израиле" (4, с.19)). Работникам этнографических экспедиций хорошо знакомы по личному опыту глиняные кружки у колодцев, разбитые на их глазах каким-нибудь жителем лесной старообрядческой деревни, потому что из нее напился "поганый стригун". Стереотип такого поведения отразился в афоризме академика Панченко: старообрядцы, конечно, правы, но они неправильно относятся к собственной правоте.

Однако победившее в старообрядцах здоровое чувство чистоты аналогично насущному чувству прекрасного. Старообрядцы встали на защиту своей веры, но их трудно упрекнуть в недостатке смирения — главной христианской добродетели. Они жаждали сохранить жизнь в Церкви, а не отпали от нее, как сухой лист от дерева. Так что Панченко, думается, не прав, относя свое высказывание ко всей массе старообрядцев.

Мы показали, насколько это возможно в рамках журнальной статьи, не только безупречную закономерность, но сами механизмы возникновения и процветания в среде глубоко преданных своей вере старообрядцев интереса к мировой культуре, развивающимся формам образованности и творческой деятельности. В то же время, мы невольно коснулись "обратной стороны медали": горьких обстоятельств, до сих пор мешающих православным верующим-никонианам с той же уверенной религиозностью входить в динамичную культурную жизнь.

Часть 3. Добрые дела и гражданские заслуги Купечество на общественном поприще

Нам осталось только сказать несколько слов о связях между старообрядческой моралью и основами капитализма, поскольку купеческая деловитость сильно способствовала активности в сфере культуры. Широко известно высказывание историков "Торгового и промышленного дела Рябушинских", что основатель династии М.Я.Рябушинский "принадлежал к небольшому слою людей, для которых не власть, слава и деньги являются целью жизни, а дело, которое они взяли вести. Он принадлежал к тому типу людей, который в Западной Европе создал

буржуазию" (11, с.10). Даже из формулировки фразы видно, что авторы находились под сильным впечатлением от знаменитой книги Макса Вебера "Протестантская этика и дух капитализма". Те же стандарты восторжествовали в отношении к московским предпринимателям. Но мы беремся утверждать, что приведенное мнение приложимо к купцам-староверам только в части их бескорыстия.

Средоточие книги Вебера в проницательном наблюдении, что самодостаточная страсть к наживе не противоречит, а даже поощряется пуританской моралью. Не важно, какую работу ты выполняешь, важно отдаться ей до конца и тем утвердить силу своей воли, необходимой, в свою очередь, для религиозной твердости. Только твердый духом может победить страх перед Божиим Судом. В этой системе нет места состраданию, милосердию, жертвенности, искуплению. Философия "добрых дел" чужда кальвинизму. Покаяние же бессмысленно перед лицом божественной предопределенности судьбы. Нужно не стать лучше, а победить страх... Перед нами родовые черты знаменитого английского "саспенса" и скрытой секулярности культуры. Христианство как бы возвращается ко дням Юлиана Отступника, когда милосердие еще не стало нормой. Такое "христианство" сохраняет лишь видимость богобоязненности. В действительности протестантизм легализовал чистую страсть к наживе, родственную азарту игрока, тоже не думающего о славе, власти, деньгах. Эта легализация вызвала огромный энтузиазм после многовековой дискриминации стяжательства, подчеркивания его духовной низости. Подобное произошло в нашем веке в эпоху сексуальной революции, когда сексуальную страсть признали самоценным благом. Отпущенная на свободу страсть к наживе не могла быть свойственна добродетельной религиозности старообрядцев.

Аналогия с западноевропейской ситуацией убедительна лишь в некоторых моментах. Например, в одинаковом у первых протестантов и староверов равнодушии к материалистическим "радостям жизни". Со стороны казалось, что завоеванная теми и другими свобода совести должна вести к распущенности. Недовольство же в обоих случаях общей религиозной ситуацией приводит, наоборот, к ужесточению религиозных требований к себе. Эти требования проявились в первую очередь в борьбе с упадком веры на индивидуальном уровне. Но если протестанты считали лучшим средством спасения каждой частной души устранение любых посредников между Богом и человеком, то староверы испытывали личную ответственность, в первую очередь, за преемственность и укрепление своей церковной идеи. Отсюда иная окраска старообрядческого аскетизма, который никак нельзя назвать "индивидуалистическим".

В своем богатстве и житейском преуспевании купцы-старообрядцы утешались мыслью, что множество людей «кормится» вокруг них. Внук М.Я.Рябушинского Владимир Павлович так и пишет: основному типу русского хозяина свойственна особенная ревность в вере с сохранением "патриархального отношения к кормящимся вокруг него" (11, с.10). Им, трудолюбивым аскетам, было не понять тезиса марксистов, что люди, получившие от них работу, "кормят хозяев". Представление о "кормящихся вокруг" восходит к неперемнной практике благотворительности, настоятельная необходимость которой сравнима для средневекового русского религиозного сознания разве что с молитвой. В.О.Ключевский точно характеризует это состояние в работе "Добрые люди Древней Руси": если бы в Древней Руси вдруг исчезли "все нищие и убогие, кто знает, может быть, древнерусский милостивец почувствовал бы некоторую нравственную неловкость,

подобно человеку оставшемуся без посоха, на который он привык опираться; у него оказался бы недочет в запасе средств его душевного домостроительства" (12). Старообрядцы унаследовали высокий нравственный императив человеколюбия и видели в нем способ реализации извечной мечты об "оцерковлении жизни".

Связи с государством у старообрядцев были еще слабее, чем у первых протестантов. Компенсация недостатка влияния, самоидентификация и реабилитация в социуме играет в их истории роль сильнейшего побудительного мотива. Если подробнее познакомиться с картиной взаимоотношений почти всех слоев общества с классом "купчиков-голубчиков", то остается глубокое потрясение от глухой изоляции, презрения и непонимания, окружающей этих людей. Их обвиняли во всех "смертных грехах" от сребролюбия до невежества. Справедливость таких обвинений в адрес лучших представителей старообрядчества и торгово-промышленного сословия читатель может оценить сам, исходя из вышесказанного.

Желание достойно отвести все подозрения, показать себя в выгодном свете перед всем русским народом постоянно жило в сердце старообрядцев-патриотов. Многие, как Рябушинские в Вышнем Волочке или А.И.Морозов в Богородске (нынешний подмосковный Ногинск), строили целые городки для рабочих с полной инфраструктурой больниц, родильных домов, библиотек и клубов. Их активность в просвещении и культуре во многом диктовалась тем же поиском общественного признания, в частности признания их старообрядческих убеждений.

Мы уделили много внимания старообрядческой грамотности. Ее влияние на преимущества в трудовой и коммерческой деятельности опять позволяют вспомнить книгу М.Вебера. Как и у протестантов, у мужчин и женщин, приученных старообрядческим воспитанием к чтению и работе мысли, развивалась умственная гибкость, склонность к совершенствованию знаний и форм труда. Хозяйственный "традиционализм" также чужд старообрядцу, как кальвинисту. Грамотный старообрядец легче преуспевал в торговле и устройстве производства. Постоянная умственная сосредоточенность была не только необходимым средством выживания на протяжении 250 лет, но и привычкой к религиозному напряжению всех душевных сил. Такая психология не совместима с ленностью, беспорядочностью, безразличием как у работников, так и у хозяев.

Нам уже доводилось связывать напряженную религиозную жизнь старообрядцев с недопустимостью крепостного права. Много сил было положено старовеерами на материальное преуспевание ради выкупа из крепостной зависимости. Существуют веские причины полагать, что многим из будущих московских "миллионщиков" помогли подняться деньги, полученные ими в родной старообрядческой общине. И они сторицей отдали "долг" всему делу старообрядчества.

Поэтому философия "дела" у московских купцов никогда не становилась самоцелью, как в западных странах. Ее нравственные основания были прочны, что и помогло сохранить крепкую отеческую веру большинству потомков талантливых родоначальников. За фасадом предпринимательства виделись слава и благополучие своей Церкви, широкая и разнообразная благотворительность, желание способствовать лучшему устройению жизни, простое человеческое чувство правоты своей миссии. Высокая старообрядческая мораль быстро завоевала в деловых кругах самую надежную репутацию и нашла олицетворение в незыблемом "купеческом слове". Принадлежность к старообрядчеству распространяла на купца дей-

ствие этого "кодекса чести", привлекала к нему партнеров и заказчиков. Нетрудно понять, почему даже в XIX веке старообрядчество продолжало пополняться за счет других торговых людей, увидевших силу старообрядческой веры и преимущества ведения дел на ее принципах.

Сопrotивление обстоятельствам и вековая выучка отстаивать границы своей "духовной территории" наделили старообрядцев свойством, до них усвоенном только евреями в своем рассеянии, — способностью не терять культурной самобытности и особенностей уклада в любом окружении и под натиском любой цивилизации. Изменение материального положения и смена образа жизни уже не могли оторвать старообрядца от его веры и обычаев.

Негнушение образованием, вызванное уважением к книге, одновременно также явилось результатом "старообрядческого рассеяния". Купцы с конца XIX века всячески старались дать своим детям самое современное европейское образование, особенно техническое и естественнонаучное. Они не боялись использовать достижения науки. Фабричное дело пользовалось среди русских капиталистов большим уважением, чем процентное преумножение капитала.

Наконец, заинтересованность в атрибутах культуры вызывалась вовсе не только меценатскими и вероисповедными наклонностями, но была закономерным следствием буржуазного образа жизни. Многие, как например, Евфимия Носова, имели возможность окружить себя шедеврами искусства. Чем достигали, помимо того, внимания к себе ведущих деятелей культуры и блестящего общества. Внешняя изоляция купечества была немногим меньшая, чем у духовенства, а в новом статусе "капитанов индустрии" необходимо было, как говорит А. Боханов, "выйти за пределы сословно-социальной обособленности" (13).

Мы удовлетворялись поиском прямых связей разносторонней деятельности купцов с их религиозными убеждениями. И не ставили себе цели восстановить общий колорит жизни отдельных купеческих семей, прославившихся в роли меценатов. Такие хроники в достаточной полноте содержатся в книгах П. Бурьшкина, А. Боханова, Н. Думовой, Ю. Петрова... Безусловно, реальная ситуация в среде московского купечества, исповедующего старую веру, не была столь радужна, как может показаться из теоретических выкладок. Жестокий уклад русской жизни сильно искорежил судьбы простых старообрядцев. Под конец есть смысл привести несколько неожиданных фактов и соображений, позволяющих "привязать к месту" высокие идеалы старообрядчества, придать нашему повествованию ту полноту взгляда, которая в действительности соответствует неоднородной и противоречивой роли купцов и старообрядцев в обществе.

Нужно отметить, что большинство общекультурных представлений и даже глубокая богословская эрудиция превратились в достояние широкой московской старообрядческой мысли только в конце XIX века, когда увеличился удельный вес молодого поколения в общине, уже получившего за отцовские деньги какое-нибудь систематическое образование, часто за рубежом.

Первая половина прошлого столетия не могла похвастаться среди купцов ни интересом к культуре, ни личной благовоспитанностью. "Грамотность" старообрядцев тогда еще не могла отождествляться с деликатной просвещенностью. Трудно отмахнуться от нелюбимых для старообрядчества исторических деталей из детства Козьмы Теретьевича Солдатенкова, пришедшегося на 20-е годы прошлого столетия и воспроизведенного его близким другом М. П. Щепкиным:

Солдатенков "родился и вырос в очень грубой и невежественной среде Рогожской заставы, не получил никакого образования, еле обучен был русской грамоте и всю свою юность провел "в мальчишках" за прилавком своего богатого отца, получая от него медные гроши на дневное прокормление в холодных торговых рядах" (13).

Шокирующий эффект этой безжалостной оценки невозможно сгладить, но он поддается объяснению. Похожая ситуация не ускользнула от острого взора В.О.Ключевского, составлявшего исторический портрет царя Алексея Михайловича. Этот царь, образец духовной учености своего времени, имевший даже склонность к литературному труду, великодушный и терпимый руководитель, мог, одновременно, шумно вести себя в храме, браниться на духовенство во время службы, отвечать рукоприкладством на неосторожные речи приближенных. «Ни доброта природы, ни мысль о достоинстве сана, ни усилия быть набожным и порядочным ни на вершок не поднимали царя выше грубейшего из его подданных. Религиозно-нравственное чувство разбивалось о неблагоприятный темперамент, и даже добрые движения души получали непристойное выражение», — с прискорбием пишет Ключевский (14). С полным основанием можно говорить тут о самосознании, а не только чувстве...

Полвека позже Алексея Михайловича английский епископ Бернет также недоумевал, глядя на молодого Петра и его Великое посольство. Епископ не понимал, как могут совмещаться в одном человеке самозабвенный просветитель своей страны и необузданный грубый невежа. Сам Ключевский подводит нас к ответу: «Петр был груб как царь, не привыкший уважать человека ни в себе, ни в других; среда, нам уже знакомая, в которой он вырос, и не могла воспитать в нем этого уважения.» (10, с.177). Ключевое слово здесь не власть, а среда. Дефицит чувства собственного достоинства и уважения к человеку позволял не обращать внимания на формы поведения и права личности. Психология русского общества, привыкшего видеть в человеке лишь «мыслящий тростник» не могла быть другой и в кругу старообрядчества.

Такое же детство, как у Солдатенкова, было у П.М.Рябушинского, который в тайне от отца пытался самостоятельно выучиться играть на скрипке. М.Я.Рябушинский, застав сына за этим занятием, разбил скрипку. Поколение отцов меценатов середины XIX века еще носило кафтаны и чуралось всего заморского и светского, но резкий перелом уже зрел. Дети расстались с крестьянскими предрассудками, осознали себя достойными лучшей жизни. Проблема ущемленного достоинства начала решаться... «Новые купцы» не боялись потерять свои корни и русскую сущность, т.к. чувствовали себя хозяевами своей жизни, выступали от своего лица перед всем миром, а не прятались за спину национального или конфессионального бахвальства. Шовинизм чужд людям уверенным в себе. Уверенность в себе вызывает спокойное, здоровое чувство, что никто не может тебя обидеть, унижить, никто не станет строить тебе козни и покушаться на твою самобытность. Рабы же всех и вся ненавидят, так как считают их сильнее себя.

Восстановление достоинства происходило медленно. Будущий действительный член Императорской Академии художеств, создатель превосходной художественной коллекции, начавший заниматься собирательством раньше П.М.Третьякова, К.Т.Солдатенков так до конца жизни и не заговорит "ни на каком языке, кроме русского" (13). Еще поразительнее, что не знал никаких иностранных язы-

ков изъездивший весь мир издатель и редактор "Золотого руна" Н.П.Рябушинский, попавший в круг самых утонченных интеллектуалов и художников от А.Н.Бенуа до А.Блока и Л.Андреева.

Справедливости ради надо сказать, что все остальные семеро братьев Рябушинских были основательнее и образованнее Николая Павловича, которым мало кто занимался. Огромная семья Рябушинских — типичное семейство своего круга. Общая для всех религиозность, увлеченность делом сочеталась с воспитанной старшими суровой простотой, твердостью характера. "Наша семья странная, — пишет один из братьев, — годами мы иногда не видимся друг с другом, часто ссоримся и холодны и равнодушны при встречах, и в то же время внутренне очень близки" (11, с.183). Привычка самостоятельно решать свои проблемы выразилась в некоторой фамильной черствости Рябушинских. В эмиграции так никто и не забрал из парижской богадельни престарелую супругу старшего брата Павла Павловича, хотя некоторые члены семьи занимали прочное положение. Например, Дмитрий Павлович, директор лаборатории Парижского университета или Евфимия Павловна, имевшая собственную виллу в Италии.

Рябушинские и им подобные были строги во взаимоотношениях не только друг с другом. Продолжала сказываться многовековая инерция пренебрежения к человеческому достоинству. При высоком пиетете по отношению к «делу» непосредственный труд и даже творчество не рождали необходимого уважения к творцу...

Хотя сам богатый купец "уже не хотел только торговать миткалем, а интересовался категорическим императивом, гегелианством, штейнеровской антропософией и картинами Матисса, Ван-Гога и Пикассо", — как пишет П.А.Бурьшин (15), — талант, гений, исключительность еще не воспринимались как абсолютная ценность. Молодого Валентина Серова пригласили писать портрет "кондитерского короля" Абрикосова. Работал Серов самозабвенно, проводя по пять-семь часов подряд за мольбертом. Сеансы начинались в 10 часов утра. Абрикосов, позировав Серову, регулярно уходил в полдень завтракать, а потом возвращался и "продолжал позировать, ковыряя зубы зубочисткой, художнику же ни разу не предложили стакан чаю" (13). Серов не удержался, чтобы не отразить этот эпизод в своих воспоминаниях.

Абрикосов не был старообрядцем, но из этого эпизода видно, что разница между художником и наемным рабочим, которому платят по денно, не всегда была понятна купцам. Возвеличивание человеческого таланта сдерживалось у староверов также их набожностью, учащей благодарить за таланты Бога. Схожий с Серовым случай произошел с семьей умирающего Михаила Врубеля. Семья бедствовала и просила В.Серова предложить картины Врубеля известному коллекционеру М.П.Рябушинскому. Рябушинский согласился приобрести одну картину, но обещал за нее минимальную разумную цену. Сестра художника решила послать меценату письмо, в котором умоляла войти в положение семьи и проявить великодушие, заплатив за картину немного более щедро. Рябушинский послал лишь ранее обещанные деньги. Очевидно, положение Врубелей не казалось ему настолько бедственным.

Традиционно на Руси художник стоял в ряду декораторов, маляров. Почти не помогал авторитет «невербального» богословия иконы. Рукодельная красота не могла сравниться с духовностью слова. У старообрядцев приоритет книги развил-

ся особенно сильно. Остро переживалась мысль, что Бог тоже явился в мир через Слово. Поэтому стенограммы и статьи, освещающие жизнь староверов, полны вниманием, в первую очередь, к литературе. Их отношение к литературе и писателям своеобразно. Чтобы не пересказывать содержание старообрядческих диспутов, мы восстановим эпизод из иной истории.

Например, известно, что А. Блок не был верующим человеком, а его интерес к религии и церкви носил исключительно мистический, поэтический и аллегорический характер. В воспоминаниях Андрея Белого встречаем такой момент: "Помнится, в 1905 г. я встретился с почтенным, образованным старообрядцем, миллионером и собирателем икон, который объявил мне, что в России есть единственный гениальный поэт — Александр Блок. Его пленяла особая религиозная атмосфера "Стихов о Прекрасной Даме" (16). Далее А. Белый замечает, что в оценке старообрядца не проявлялись широкие художественные взгляды, а была только схематическая "сектантски-религиозная" точка зрения. Старообрядцы говорили на другом языке, чем символисты; вместо отвлеченной музыки сфер они воспринимали с особым одушевлением идеи и чувства, согласовавшиеся с их конкретной религиозностью, хотели видеть в искусстве отражение своих идеалов. Идеалы православия обладали другой поэтичностью и иными критериями эстетики, подкрепленными вместо декадентских мечтаний вполне четкой философией. Эта философия была трезвее, не так экзальтирована, что не означало узости, примитивности, "сектантства".

Пропасть в представлениях и воспитании между интеллигенцией и купечеством, пусть и старообрядческим, была огромна. Взаимное непонимание усиливало эффект вторжения в культурную среду «паршивых овец» из чужого «стада». Николая Рябушинского, этого бонвивана и претенциозного самодура, А. Бенуа называл "вздутый моллюск", "скверна", "истый хам", а Е. Лансере — "пшют", "смесь наивности и хвастовства" (11, с. 146). Но в то же время А. Бенуа жалуется в письме К. Сомову, что мирискусники "так и не получили нашего Третьякова". Так что взгляд на купцов не был непробиваемо предвзят.

Благотворительность и меценатство купцов постоянно вызывали настороженность общества, рождали сомнения в чистоте их намерений. Князь С. А. Щербатов не мог удержаться от критических настроений в адрес С. И. Щукина и С. И. Морозова, осмелившихся собирать новейшую французскую живопись: «было в этом увлечении, несмотря на кажущуюся утонченность, немало провинциализма, наивного преклонения перед последней модой парижского художественного рынка» (13). Эстетствующий князь не хотел взять в толк, что первые самоуверенные шаги — единственный путь быстро прорваться сквозь былую ограниченность. Щукин и Морозов сумели впоследствии доказать непреходящее значение своего внутреннего развития.

Репутацию меценатствующим купцам сильно подпортило царское правительство, превратив чины и регалии для купеческого сословия в объект циничной купли-продажи. Единственным способом заслужить поощрение от власти держащих являлся для купцов не успех в их кровном деле предпринимательства и роста благосостояния страны, а благотворительные вклады и «подвиги» на ниве просвещения. Существовали негласные, но протокольно твердые тарифы на любой чин или награду. В книге А. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» приведены примеры того, как «чиновники скрупулезно подсчитывали... взносы и

определяли, какой награды достоин жертвователь» (13)...

Однако трудно заподозрить в личной корысти тех, кто отказывался от чиновных милостей, как П.М.Третьяков, или завещал по своей смерти всё состояние бедным и на общественные нужды. Крупнейшей благотворительной акцией в истории России стало завещание купца Г.Г.Солодовникова, оставившего на постройку по всей России мужских и женских училищ, а также дешевых квартир для малоимущих двадцать миллионов рублей! Сегодня трудно даже подсчитать истинный размер вклада, если учесть, что заработная плата квалифицированного работника в начале текущего столетия редко превышала 200 руб. в год...

Исторический опыт старообрядчества раскрывает перед нами важнейшие закономерности, которые проявляются в процессе формирования той или иной национальной религиозности. Перипетии, выпавшие на долю староверов, позволяют сделать некоторые пусть смелые, но обоснованные выводы.

Отрыв от государства и от пропитанной апатичным крестьянским духом российской истории помог старообрядцам приобрести не только внешнюю и внутреннюю самостоятельность, но воспитать в себе редкую осмысленность церковной жизни.

Свою свободу староверы употребили на сохранение духовных принципов исконного Православия, один из которых — активное, созидательное отношение к миру и к служению в миру.

Эта же свобода обеспечила бесстрашие в столкновении с миром, умение в тяжелейших условиях сочетать земные и духовные заботы без ущерба для души.

Опыт напряженной духовной жизни приучил не чураться знаний, развил уважение к культурным навыкам.

Духовно самостоятельная и закаленная в испытаниях элита старообрядчества не склонна к созданию врага из светской культуры. Напротив, уверенные в исчерпывающей полноте своей веры, старообрядцы жаждут как можно шире окинуть взором земную действительность и культурный опыт, чтобы обнаружить в них зерна Истины, и, тем самым, распространить правду религиозной жизни.

Купцы-старообрядцы испытывали необходимость поднять престиж как своего сословия, так и своей веры. Самым надежным способом было активное участие в культурной жизни. Постепенно культурная деятельность старообрядцев превратилась в глубокую, зрелую жизненную позицию, тесно связанную с религиозными убеждениями.

Но самый важный вывод предстает перед нами в совокупности названных явлений. Господствующая модель православной жизни, основанная на добродетелях смирения и послушания, часто встречает обвинения в пассивности и духовной неразборчивости. Так же часто старообрядчество обвинялось в "раскольничестве", нарушении этих самых добродетелей. Но трудно отрицать, что опыт старообрядчества доказал возможность и благотворность совмещения православных идеалов с самостоятельностью и свободой духовной жизни.

Мы очень надеемся, что наш рассказ поможет многим не только расширить границы представлений о «купеческом ренессансе» в России, но и послужит подъему интереса к жизнеутверждающим ценностям православной веры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т.1.
2. Флоренский П.А. Анализ пространства и времени в художественных произведениях. М., 1993.
3. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С.117.
4. Карташов А.В. Смысл старообрядчества // Церковь. М., 1992. №2.
5. Сенатов В. Философия истории старообрядчества // Библиотека журнала "Церковь". М., 1995.
6. Гаврюшин Н.К. Вехи русской религиозной эстетики // Философия русского религиозного искусства XVI - XX вв. Антология. М., 1993.
7. Аверинцев С.С. Русское православие переломных времен // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. М., 1997. №1.
8. Тарабукин Н. Философия иконы. ОР РГБ, ф. 627, кар. 2, ед. хр. 1.
9. Угодница Божия Пелагея Рязанская // Жизнь вечная. М., 1996, №18.
10. Ключевский В.О. Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мыслей, характер / Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
11. Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997.
12. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси / Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
13. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.
14. Ключевский В.О. Царь Алексей Михайлович / Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
15. Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991.
16. Андрей Белый Из воспоминаний об Александре Александровиче Блоке // Я лучшей доли не искал. Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М., 1988.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ЗАЛОЖЕННОЙ КУПЦАМИ-СТАРООБРЯДЦАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ?

Старообрядчество продолжает развиваться и изменяться. Поскольку от событий, описанных в статье М.М.Жунина "Просвещенный купец – украшение старой веры", нас отделяет вековая дистанция, появляется желание узнать о жизнеспособности тенденций и явлений, выявившихся в старообрядчестве на грани XIX и XX веков. Современное состояние староверия значительно меньше изучено, чем эпоха его наивысшего расцвета накануне революции. Поэтому мы решили предоставить слово человеку, являющемуся одновременно приверженцем и компетентным исследователем древлеправославной веры. Для журнала "Мир России" на вопросы М.М. Жунина отвечает заведующий историческим архивом Старообрядческой Митрополии Московской и всея Руси А.В. Панкратов.

М.Ж.: Существует большое расслоение между старообрядцами. Речь идет не о религиозных разногласиях, а о разных типах взаимоотношений с миром. Какие формы отношения к светской культуре со стороны старообрядцев кажутся Вам наиболее характерными?

А.П.: Наиболее характерно отношение к светской культуре как к культуре "внешней", то есть нецерковной, нестарообрядческой. Конечно, это не означает полного отрицания этой культуры. Конкретные взаимоотношения с ней строятся по-своему у разных приверженцев старообрядчества. Однако слово "внешняя" достаточно четко характеризует наше общее отношение ко всему объему культуры, возникшей вне лона Русской Церкви XI - середины XVII веков.

М.Ж.: Знакомы ли Вам примеры из сегодняшней жизни, когда представители старообрядчества или целые объединения верующих плодотворно сотрудничали со светской культурой?

А.П.: Вообще-то не совсем ясно, что подразумевается под "сотрудничеством со светской культурой". Возможно, примером такого сотрудничества можно считать возвращение летом 1990 г. колокола, конфискованного в 20-е годы с колокольни одного из старообрядческих храмов. Колокол находился под сценой старого здания МХАТа в Камергерском переулке, и был вновь отдан староверам при активном содействии главного режиссера названного театра Олега Ефремова. Кстати, когда в 1993 г. наша Митрополия с аналогичной просьбой обратилась в Московскую Патриархию (тогда на воссозданный Казанский собор на Красной площади был поднят еще один колокол, изъятый в свое время с Рогожского), был получен жесткий отказ, сотрудничества не получилось. Так порою взаимодействие со

светскими структурами оказывается более плодотворным, чем с организациями, считающимися религиозными.

М.Ж.: Насколько Вам кажется убедительной моя мысль о том, что глубокая, устойчивая вера старообрядцев создала условия для их спокойных и подчас доброжелательных контактов с чужой культурой, а иногда для прямого участия старообрядцев в общественной и художественной жизни?

А.П.: Эта мысль представляется вполне убедительной. Старообрядцы, как правило, не страдают боязнью современной культуры, и это потому, что культура, которой живем мы, по сути самодостаточна, а культура современная зачастую воспринимается как помеха восприятия вещей более серьезных. Это несколько похоже на то, как сразу выключают радио или телевизор там, где ведется какой-либо важный разговор.

Такое отношение, которое можно назвать своеобразным иммунитетом, с одной стороны, позволяет нам сохранять и в дальнейшем традиционные ценности староверия, а с другой стороны, обеспечивает спокойную, лишённую излишней эмоциональности реакцию на новые культурные явления. И эта, если угодно, неангажированность и позволяет отделять в пестроте современной культурной жизни истинно ценное от просто модного. В прошлом именно эта черта мировосприятия, вкупе с "воспитанностью вкуса" на древних иконах, позволила коллекционерам живописи из числа старообрядцев "открыть" и верно оценить Матисса и других импрессионистов.

М.Ж.: Существует распространённое представление среди историков культуры о живом интересе старообрядцев к русскому авангарду начала XX века. Есть даже различные свидетельства на этот счет. Что думают современные старообрядцы о таком интересе?

А.П.: Факт интереса меценатов-старообрядцев к авангарду начала нашего столетия является в основном достоянием историков культуры. В современной старообрядческой среде об этом практически не знают, что, вероятно, связано с тем, что собирательская деятельность наших купцов была сугубо личным интересом, о ней никогда не заявлялось как о чем-то, связанном со Старообрядческой Церковью в целом. По этой причине какого-либо общего взгляда старообрядцев на названный в вопросе факт не существует, а отдельные представители нашей веры могут высказываться об этом по-разному, исходя из уровня своего образования.

М.Ж.: Некоторые представители старообрядчества говорили мне, что, по их мнению, увлекшиеся европейской культурой и искусством потомки богатейших купцов отошли от отцовской веры. Этим, якобы, объясняется их духовная раскованность. Но факты как раз говорят об обратном. Какая память сохранилась у старообрядцев об этих деятельных членах родной общины и, одновременно, светских меценатах?

А.П.: Лучшими памятниками нашим "миллионщикам" начала века являются, безусловно, храмы, построенные и снабженные иконами, утварью и книгами на их средства. Это почти все ныне действующие храмы Русской Православной Старообрядческой Церкви. Настоящей энциклопедией староверия является журнал "Церковь", в 1908-1918 гг. издававшийся еженедельно на средства Рябушинских. Архитектурное лицо таких городов, как подмосковный Богородск (ныне Ногинск) и тверской Вышний Волочек полностью сформированы в начале века зданиями, возведенными Морозовыми и теми же Рябушинскими. Этот перечень

можно продолжать и дальше. Вместе с тем известны и факты иного рода: широкий размах купеческих гуляний, отсутствие благополучия в семейной жизни богатых людей, почти барский произвол в отношениях с подчиненными и другие неблагоприятные вещи. Следует однако заметить, что среди старообрядцев в основном сохраняется память о первой группе дел, совершившихся "миллионщиками", а о, так сказать, теневой стороне вспоминается редко и неохотно. В общем нынешнее понятие староверов о купцах начала века можно выразить фразой, услышанной мной от одного из старых прихожан Рогожского собора: "Это были люди, которые допускали [в личной жизни] немало нарушений [христианского закона], но сделали очень много добра".

М.Ж.: Противопоставляя исторические пути господствующего Православия и старообрядчества, я утверждаю в качестве одной из принципиальных черт старой веры ее более позитивное отношение к строительству земной жизни, к проникнутому верой устройству мира. Так ли это и согласуется ли, по Вашему мнению, с идеалом христианской жизни?

А.П.: Безусловно, христианину должно быть свойственно деятельное отношение к окружающему миру, и в той степени, насколько это возможно, надо стремиться к реализации в мире идеалов Православия. Другое дело, что в настоящее время, по-видимому, эта задача неосуществима в больших масштабах: за 70 лет жизни без Бога люди слишком уж свыклись со многими греховными жизненными принципами. Поэтому духовное возрождение каждому, думающему об этом, следует начинать с самого себя и своих родственников, а все остальное, по слову Спасителя, "приложится вам". Согласен с А.И.Солженицыным, недавно так ответившим на вопрос о возрождении Православия: "Сделайте христианской свою семью, и с вас хватит!" Добавлю от себя лишь то, что если это христианство будет нелицемерным, то этого не только "хватит", но будет и достаточно много.

М.Ж.: Купцы-старообрядцы имели в общине круг своих приверженцев. Под лидерством Степана Рябушинского речь заходила даже о создании старообрядческой политической партии. После революции купцы были репрессированы или эмигрировали. Но община осталась. Что позже случилось с кругом единомышленников Рябушинского? Есть ли какая-то преемственность (если не в делах, то в мыслях) между теми купцами и кем-то из современных старообрядцев?

А.П.: Среди мыслящих людей из числа современных старообрядцев (людей таких, к сожалению, немного) можно услышать разные мнения по этому поводу. В известной степени наследниками мыслей деятелей Староверия начала века являются организаторы Старообрядческого исследовательского центра в Москве Михаил Олегович Шахов и Алексей Юрьевич Рябцев. Думаю, беседа с кем-либо из них на страницах Вашего журнала была бы интересной.

М.Ж.: Экономическая жизнь у старообрядцев часто была очень бурной и достигала высоких, технологических форм развития. В то же время мы знаем примеры прямо противоположные. Например, жизнь старообрядцев в Сибири сейчас мало отличается от жизни в XVII веке. Как это уживается в рамках одной конфессии? Какая из моделей признается приоритетной большинством старообрядцев?

А.П.: Не вижу здесь никакого противоречия. Ведь сибирская тайга и сегодня почти та же, что и в XVII веке, и способы выживания в ней, выработанные

нашими предками столетия назад, вполне пригодны и в наши дни, о чем говорит и известный пример Лыковых. Другое дело, что в городах и близких к ним по плотности населения местах условия совершенно иные. И приоритетной нами считается в каждом конкретном случае та модель жизни, которая позволяет сохранять главную ценность, — древнюю православную веру.

Понятно, что в провинции, где люди живут более обособленно, этой цели служит строгое следование традициям, в том числе и бытовым, а в городских условиях для этого необходимо иметь материальную базу, чтобы существовать независимо от, скажем так, "внешних". Отсюда наружное отличие "городского" и "сельского" старообрядчества, существующее при его внутреннем единстве.

М.Ж.: Как технологический труд и образование воспринимаются старообрядцами сегодня? По-прежнему ли идеология "дела" популярна среди старообрядцев и связана с духовной практикой?

А.П.: В основном те из молодых старообрядцев, кто решает получить высшее образование, избирают технические ВУЗы. Гуманитарии являются редкостью. Во многом это отголосок советских времен, когда учеба, скажем, на педагогическом факультете означала усердную зубрежку "научного атеизма". Но отчасти это и традиция более раннего времени, связанная с такой мыслью: "Научиться бы какому-нибудь полезному делу, а знаний о вере (т. е. гуманитарных представлений) довольно тех, что получаем мы в своей семье, в Церкви и от самостоятельного чтения книг". Идея эта вполне жива среди старообрядцев, особенно в городах, и в наши дни.

М.Ж.: Есть ли будущее у экономической традиции, заложенной купцами-старообрядцами? Есть ли желание снова активно участвовать в экономической, общественной и культурной жизни российского общества?

А.П.: К сожалению, на поставленный вопрос скорее можно ответить "нет", чем "да". Слишком уж силен был вал революционных потрясений 1917 и последующих годов. Слишком малочисленны и слабы экономически современные старообрядцы. Хотя желание участвовать в общественной жизни у некоторых староверов, безусловно, есть. И как знать, может быть, многое еще впереди? Может быть семя Древлеправославия еще принесет на лице Руси плод преображенного истинной верой мира?